
**ПРИРОДА И КАЧЕСТВА СОКРАТОВОЙ ИРОНИИ В КООРДИНАТАХ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И РИТОРИКИ**

Заврумов Заур Асланович, кандидат филологических наук, проректор по научной работе и развитию интеллектуального потенциала, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357350, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9.

В статье исследуются трансформации представлений о феномене иронии. Её природа и качества осмысливаются в координатах философии и риторики. Автор показывает, что возможности иронии и эффекты иронической коммуникации становятся актуальной исследовательской сферой уже во времена Сократа, и лишь в XX в. начинается постепенное формирование этических и филологических теорий иронии. Таким образом, рассмотрение иронии как понятия целесообразно начать с освещения её характеристик в философской научной парадигме.

Ключевые слова: ирония, античность, Сократ, философия, риторика

**NATURE AND QUALITY OF THE SOCRATIC IRONY IN THE COORDINATES
OF EUROPEAN PHILOSOPHY AND RHETORIC**

Zavrumov Zaur A., Candidate of Philological Sciences, vice-rector for scientific work and the development of intellectual potential of the Pyatigorsk State Linguistic University, 357350, Russia, Pyatigorsk, 9 Kalinin ave.

The article examines the transformation of ideas about the phenomenon of irony. Its nature and quality conceptualized in the coordinates of philosophy and rhetoric. The author shows that the possibility of irony and ironic effects of communication become relevant research area in the time of Socrates, and only in the twentieth century. It begins the gradual formation of ethical and philological theories of irony. Thus, consideration of irony as a concept it is advisable to start with a light of its performance in the philosophical scientific paradigm.

Keywords: irony, antiquity, Socrates, philosophy, rhetoric

Ирония занимает особое место в истории европейской культуры уже со времён Античности. По всей видимости, ирония реализуется в текстах самых разных эпох задолго до того, как появляется сам термин: «Irony, though not the term, fills Homer and the Old Testament: in various forms it permeates Greek tragedy and comedy; Ovid's *Metamorphoses* is a handbook of irony as well as of mythology, and probably more meaningfully so; and the earliest Old English poems are replete with irony» [16, с. 210] («Ирония, хотя и не само понятие, наполняет книги Гомера и Ветхий Завет: в разных формах она проникает в греческую трагедию и комедию: "Метаморфозы" Овидия – это, возможно, справочник в большей степени по иронии, чем по мифологии; и самые ранние стихи, написанные на древнеанглийском, наполнены иронией»). Онтологический статус иронии динамичен на протяжении веков: риторическая тактика ведения спора постепенно превращается в способ отношения к жизни, свойственный эстетической практике и мировоззрению романтиков XIX в. и постмодернистов XX в.

Ирония, её природа и качества осмысливаются в координатах философии и риторики до конца XIX века, и лишь в XX в. начинается постепенное формирование этических и филологических теорий иронии. Таким образом, рассмотрение иронии как понятия целесообразно начать с освещения её характеристик в философской научной парадигме с тем, чтобы иметь возможность охарактеризовать трансформации представлений об этом феномене.

Возможности иронии и эффекты иронической коммуникации становятся актуальной исследовательской сферой уже во времена Сократа, который посредством притворного незнания побеждает в философских спорах своих оппонентов. Сократ в истории античности предстаёт в двух ипостасях: реальный человек, философ, который не оставил никаких текстов; персонаж античных комедий и диалогов. Платоновские «Диалоги» представляют идеализированный образ философа, что даёт основания исследователям называть Сократа «супер-человеком» [12]. Понимание иронии в Античности происходит благодаря образу Сократа, разрабатываемому в комедии Аристофана «Облака», «Меморabilia» Ксенофона, «Диалогах» Платона: здесь Сократ становится героем, меняющим маски (лжец у Аристофана и мудрец в роли простака в диалогах Платона). Оставив в стороне споры исследователей о степени достоверности образа Сократа [10], следует подчеркнуть, что эти тексты – единственный источник сведений о зарождении иронии в её современном понимании.

Образ Сократа в античной литературе весьма противоречив: так, Сократ – персонаж «Облаков» Аристофана – не демонстрирует никакой склонности к иронии, то же отмечается и в «Меморabilia» Ксенофона, и только в «Диалогах» Платона он становится мастером иронии [17]. Но и в последнем случае не наблюдается полной идентичности личности философа самой себе: высказывания Сократа в известной степени обнаруживают непоследовательность и противоречивость [18], которые рассматриваются, тем не менее, как манифестирование иронии, а также как стремление к разрушению догм с тем, чтобы осуществить педагогический замысел в приобретении нового знания собеседником.

Цицерон и Квинтилиан вводят в европейскую культуру представление о Сократе как родоначальнике иронии посредством рассуждений об этом феномене с опорой на авторитет и образ философа. Отметим также, что первое упоминание об иронии Сократа представлено у Аристотеля [5; 11], который связывает иронию с притворством. Притворная, нарочитая неосведомленность становится одним из способов проявления иронии, а её целью – заманивание собеседника в «ловушку» с целью демонстрации его невежества, а также возможность подвергнуть сомнению истинность общеизвестного – понятий, норм, утверждений: «Сократовская ирония – единственное вполне произвольное и вместе с тем вполне обдуманное притворство. Одинаково невозможно как измыслить её искусственно, так и изменить ей... В ней всё должно быть шуткой и всё всерьёз, всё чистосердечно откровенным и всё глубоко сокрытым...» [7, с. 286].

Сократ как персонаж «Диалогов» Платона не применяет к собственному методу рассуждения термин «ирония», не предлагает её теории, что обнаруживает суть явления: это конкретная позиция, а не простое притворство, манифестированная в столкновении понимания истины и истинности софистами и самим Сократом. Сократ говорит, что ничего не знает, и это правда, ведь в отличие от собеседников он не располагает готовыми дефинициями понятий, о которых идёт спор: «Задай ты свой вопрос кому хочешь из здешних жителей, любой бы засмеялся и сказал: "Счастливым ты, видно, считаешь меня, чужестранец, если думаешь, будто я знаю, можно ли выучиться добродетели, или же она достигается иным способом. А я не только не знаю, можно ей выучиться или нельзя, но и вообще не ведаю, что такое добродетель". И со мной, Менон, точно так же: здесь я делю нужду моих сограждан и упрекаю себя в том, что вообще знать не знаю, что же такое добродетель» [6]. Но избранная Сократом позиция простака становится способом подвергнуть сомнению считающиеся абсолютными истины, сформировавшееся раз и навсегда знание собеседника.

Основу иронии Сократа составляет именно сомнение, на что указывает С. Кьеркегор: «В наше время много говорится о значении сомнения для

науки; а ирония для частной жизни является тем, чем сомнение – для науки. И поэтому подобно тому, как учёные утверждают, что нет истинной науки без сомнения, с полным правом можно утверждать, что нет подлинно человеческой жизни без иронии» [4, с. 186]. Внешняя наивность Сократа позволяет ему подвергать сомнению истинность знаний своих собеседников, прежде всего, тогда, когда речь идёт об этических ценностях. Риторические стратегии Сократа, которые являются определяющими для «Диалогов» Платона, становятся значимыми для европейской культуры, что зафиксировано и в современных словарях: например, «**Socratic irony** – ignorance assumed in order to entice others into making statements that can then be challenged» [Oxford English Dictionary] («**Сократова ирония** – притворное незнание, побуждающее других делать утверждения, которые можно оспорить»).

Другой подход к изучению сократовской иронии определяется рассмотрением её не как способа достижения истины либо риторического приёма, но как тактики демонстрации собственной исключительности посредством знания, недоступного непосвящённым. По мнению А. Ниамаса, ирония воспринимается с подозрением ввиду того, что в ранних диалогах Платона Сократ считает иронию разновидностью хвастовства, средством дистанцирования от собеседника и демонстрации собственного превосходства [15]. Такая позиция находит подтверждение во фрагментах «Диалогов», свидетельствующих о негативной оценке речи Сократа его собеседниками. Так, Фрасимах в диалоге «Государство» правомерно подозревает Сократа в неискренности, ведь тот, называя Фрасимаха умным, на деле подразумевает противоположное, явно показывая своё интеллектуальное превосходство, ведь он обладает сакральным знанием, недоступным его собеседникам. Ирония Сократа оборачивается не ложью, а реализует речевые действия, которые создают возможности возвышения над оппонентами.

Современное понимание роли сократовой иронии основывается на тезисе о важнейшей роли «Диалогов» Платона в дальнейшей эволюции иронии: и философия эпохи Возрождения, и немецкий романтизм XIX в., и постмодернизм XX в. обращаются к интерпретации противоречивого поведения Сократа, прежде всего, с позиций методологии философии [1].

Безусловно, современное понимание иронии имеет истоки в античной культуре, основные постулаты которой могут быть, вслед за Э. Лаппом, обобщены в следующих пунктах: вербализация противоположна семантике высказывания; репрезентированное в дискурсе / тексте не совпадает с мыслимым; критику манифестирует ложная похвала, а ложная критика, в свою очередь, – похвалу; ирония является способом репрезентации объекта в нелепом виде и, как следствие, его осмеяния [14, с. 24].

Европейская культура оперирует понятием «ирония» в литературно-философских координатах: рассуждения об иронии строятся на основе анализа художественных текстов, которые репрезентируют иронию наиболее очевидно и ярко. Так, К. Брукс выдвигает тезис о возможности приравнивания иронии ко всей литературе [8; 9]; исследователи рассматривают факторы, обуславливающие выбор иронии в качестве ведущей коммуникативной стратегии, критерии её распознавания, определение сигналов, которые маркируют авторскую ироническую интенцию [13].

Список литературы

1. Баллаева Е. А. Роль иронии в философской практике Л. Витгенштейна / Е. А. Баллаева // Философские идеи Людвига Витгенштейна. – М. : ИФРАН, 1996. – С. 109–115.
2. Казиева А. М. Тенденции интерпретирования и дефинирования понятия «ирония» в художественном тексте / А. М. Казиева, Е. А. Шевель // В мире научных открытий. – 2015. – № 11.2 (71). – С. 999–1005.

3. Казиева А. М. К вопросу о диалектической взаимозависимости и взаимовлиянии между ментальностью и языком / А. М. Казиева // Гуманитарные исследования. – 2012. – № 2. – С. 69–73.
4. Кьеркегор С. О понятии иронии / С. Кьеркегор // Логос. – 1993. – № 4. – С. 176–198.
5. Лосев А. Ф. История античной эстетики: Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1969. – 715 с.
6. Платон. Диалоги / сост., ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосев; примеч. А.А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. С. Я. Шейнман-Топштейн. – М. : Мысль, 1998. – 605 с.
7. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика / Ф. Шлегель. – М. : Искусство, 1983. – Т. 1. – 479 с.
8. Brooks S. Irony and the “Ironic” Poetry / S. Brooks // College English. – 1948. – Vol. 9. – P. 231–237.
9. Brooks S. Irony as a Principle of Structure / S. Brooks // Literary Opinion in America. – 1951. – № 2. – P. 729–741.
10. Dubs H. The Socratic Problem / H. Dubs // The Philosophical Review. 1927. – Vol. 36, № 4. – P. 287–306.
11. Gooch P. W. Socratic Irony and Aristotle’s Eiron: Some Puzzles / P. W. Gooch // Phoenix. – 1987. – Vol. 41, № 2. P. 95–104.
12. Griswold C. L. Irony in the Platonic Dialogues / C. L. Griswold // Philosophy and Literature. – 2002. – № 1. – P. 84–106.
13. Kotthoff H. Responding to Irony in Different Context. On Cognition and Conversation / H. Kotthoff // Journal of Pragmatics. – 2003. – № 35. – P. 1387–1411.
14. Lapp E. Linguistik der Ironie / E. Lapp. – Tübingen : Gunter Narr Verlag, 1997. – 189 S.
15. Nehamas A. The Art of Living: Socratic Reflections From Plato to Foucault / A. Nehamas. – Berkeley, Los Angeles : University of California Press, 1998. – 283 p.
16. Reiss E. Medieval Irony / E. Reiss // Journal of the History of Ideas. – 1981. – Vol. 42, № 2. – P. 209–226.
17. Vlastos G. Socratic Irony / G. Vlastos // Classical Quarterly. – 1987. – № 37. – P. 79–96.
18. Wolfsdorf D. The Irony of Socrates / D. Wolfsdorf // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. – 2007. – № 2. – P. 175–187.

References

1. Ballaeva E. A. Rol' ironii v filosofskoj praktike L. Vitgenshtejna // Filosofskie idei Lyudviga Vitgenshtejna. M., IFRAN, 1996, pp. 109–115.
2. Kazieva A. M., Shevel' E. A. Tendencii interpretirovaniya i definirovaniya ponyatiya «ironiya» v hudozhestvennom tekste // V mire nauchnyh otkrytij, 2015, № 11.2 (71), pp. 999–1005.
3. Kazieva A. M. K voprosu o dialekticheskoj vzaimozavisimosti i vzaimovliyanii mezhdru mental'nost'yu iazykom // Gumanitarnye issledovaniya, 2012, № 2, pp. 69–73.
4. K'erkegor S. O ponyatii ironii / S. K'erkegor // Logos, 1993, № 4, pp. 176–198.
5. Losev A. F. Istoriya antichnoj ehstetiki: Sofisty. Sokrat. Platon. M., Iskusstvo, 1969. 715 p.
6. Platon. Dialogi / ed. A. F. Losev. M., Mysl', 1998. 605 p.
7. Shlegel' F. Ehstetika. Filosofiya. Kritika. M., Iskusstvo, 1983. Vol. 1. 479 p.
8. Brooks S. Irony and the “Ironic” Poetry // College English, 1948, Vol. 9, pp. 231–237.
9. Brooks S. Irony as a Principle of Structure // Literary Opinion in America, 1951, № 2, pp. 729–741.

10. Dubs H. The Socratic Problem // The Philosophical Review, 1927, vol. 36, № 4, pp. 287–306.
11. Gooch P.W. Socratic Irony and Aristotle's Eiron: Some Puzzles // Phoenix, 1987, vol. 41, № 2, pp. 95–104.
12. Griswold C.L. Irony in the Platonic Dialogues // Philosophy and Literature, 2002, № 1, pp. 84–106.
13. Kotthoff H. Responding to Irony in Different Context. On Cognition and Conversation // Journal of Pragmatics, 2003, № 35, pp. 1387–1411.
14. Lapp E. Linguistik der Ironie. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1997. 189 p.
15. Nehamas A. The Art of Living: Socratic Reflections From Plato to Foucault. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1998. 283 p.
16. Reiss E. Medieval Irony // Journal of the History of Ideas, 1981, vol. 42, № 2, pp. 209–226.
17. Vlastos G. Socratic Irony // Classical Quarterly, 1987, № 37, pp. 79–96.
18. Wolfsdorf D. The Irony of Socrates // The Journal of Aesthetics and Art Criticism, 2007, № 2, pp. 175–187.

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ТРАДИЦИОННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЕ РЕАЛИЗМА КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI ВЕКА

Вюсал Челеби, старший преподаватель, Караденизский технический университет, Турция, г. Трабзон, ул. Мави ай 7/5; аспирант, Бакинский славянский университет, 3 70114, Азербайджан, г. Баку, ул. С. Рустама, 25.

В статье рассматриваются проблемы трансформационных процессов в художественной системе реализма русской литературы. Современное литературоведение всё чаще обращается к реалистической эстетике прошлого, пытаясь определить его ведущие черты, заново интерпретировать его типологию, обнаружить присущие реализму предшествующего периода противоречия. В то же время литературоведение и литературная критика переходного периода ведут целенаправленный поиск новой философской основы и новой эстетической платформы реалистического направления в литературе конца XX – начале XXI века.

Ключевые слова: реализм, постмодернистская эстетика, художественная система, смена художественных парадигм, модернизм

TRANSFORMATION PROCESSES IN THE SYSTEM OF TRADITIONAL ART REALISM LATE XX – EARLY XXI CENTURY

Vusal Chalabi, Senior Lecturer, Karadeniz Technical University, Turkey, Trabzon, Mavi 7/5 ah, postgraduate student, Baku Slavic University, 3 70114 Azerbaijan, Baku, 25 S. Rustam st.

The article deals with the problems of transformation processes in the art system of Russian literature of realism. Modern literature is increasingly drawn to the realistic aesthetics of the past, trying to determine its leading features, re-interpret its typology, to discover the realism inherent contradictions of the previous period. At the same time, literature and literary criticism of the transition period, are targeted search for a new philosophical framework and a new aesthetic platform realistic direction in the literature of the late XX – early XXI century.

Keywords: realism, postmodern aesthetics, art system, a change of paradigms of artistic modernism